

К 50-летию

Калининского театра драмы

Ветераны театра

ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ

Когда интересный, талантливый человек живет рядом с нами много лет, начинает казаться, что это было всегда: так охотно и легко мы привыкаем к хорошему. Но бывают дни, когда знакомое и привычное вдруг становится новым и неожиданным, вновь удивляет и радует своим богатством. Так случается каждый раз, когда зрители встречаются с новой работой Татьяны Федоровны Бизяевой.

Актриса строгого и смелого ума, большой страстности и темперамента, с живым и точным ощущением сегодняшнего дня — такой мы знаем Татьяну Федоровну.

В июне 1954 года она впервые перешагнула порог Калининского драматического театра выпускницей школы-студии МХАТ.

Работа с требовательным и чутким режиссером и педагогом Г. А. Георгиевским, воз-

главлявшим в те годы театр, была одновременно и экзаменом, и школой. Геолог Нина Ратмирова из пьесы Глазовой «Алмазы» стала большой и бесспорной удачей актрисы. История женщины, сумевшей преодолеть личную трагедию и подняться до высот подлинного героизма, отдать все силы и даже жизнь делу, которому она служила, и людям, ради которых жила, была не просто одной из биографий, а нравственным кредо актрисы и потому звучала страстно и убежденно.

Героини Бизяевой всегда мужественны, всегда остро социальные, всегда самым существованием своим восстают против представления о женщине, как о существе «домашнем» и слабом. Это гордые, волевые женщины с неиссякаемыми душевными силами — такова ее Нила Снижко («Барабанщица» Салынского).

Секрет воздействия каждой новой работы Бизяевой на зрителя, на мой взгляд, заключается не столько в том, какую ситуацию она играет сегодня и какие слова говорит, сколько в силе и существе самой ее человеческой личности и той строгой откровенности, с которой она выходит на каждый разговор со зрителем.

Роль, характер, человек — это всегда тема для глубокого исследования. «Про людей — это всегда интересно», — говорит Татьяна Федоровна, и ее военврач Анна Григорьевна Греч («Так и будет» Симонова), кажется, думает так же. Душевная чуткость, спрятанная за иронию, постоянное стремление помочь каждому из окружающих, скрытое за резкостью, и одиночество, наглухо застегнутое на все пуговицы майорского кителя, вдруг неожиданно оставляют после спектакля ощущение необыкновенной женственности.

Трудно не только определить, но даже предугадать диапазон актрисы. В каждом ее выходе, кроме очевидного, есть еще загадка какой-то глубоко скрытой внутренней жизни, которой не нашлось выхода в материале роли. Как бы ни была значительна роль, духовный мир актрисы всегда остается больше, богаче ее, и тайна еще не познанной до конца творческой индивидуальности притягивает к себе и заставляет ждать новой пьесы и новой роли Т. Ф. Бизяевой.

Е. АЛЕКСАНДРОВА.